

ЯПОНСКАЯ ПОЛИТИКА В МАНЬЧЖУРИИ И РУССКИЕ ЭМИГРАНТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ (1932 – 1945)*

«Своими мероприятиями [японцы] заставили нас окончательно убедиться в том, что мы эмигранты не более, как игральные карты в руках японской дипломатии, зависящие от перемены политической погоды. Когда это было нужно, нас науськивали на Коминтерн. Когда обстановка изменилась... то натравливали на англосаксов, то отсылали на Тооген¹», – писал в 1945 г. один из русских эмигрантов, рисуя характер взаимоотношений между японскими властями в Маньчжурии и российским эмигрантским сообществом². Как нам кажется, эмоционально точно подмеченная в приведенной цитате обреченность эмигрантского сообщества в Маньчжурии следовать в фарватере японской политики обусловила основную направленность и характер деятельности эмигрантских организаций в регионе в 1932-1945 гг. Анализ данной проблемы мы и посвятим настоящей статье.

18 сентября 1931 г. части японской Квантунской армии, используя в качестве повода ряд китайско-японские вооруженных «инцидентов», вступили на территорию Маньчжурии и, не встретив активного сопротивления, вскоре овладели ею. В феврале следующего года по инициативе Штаба Квантунской армии состоялся Всеманьчжурский объединенный съезд по созданию государства, а 1 марта 1932 г. было провозглашено образование независимого маньчжурского государства Маньчжоу-го во главе с последним императором династии Цин – Пу И. При этом Штаб Квантунской армии не уставал подчеркивать, что «японская армия заняла районы в Северной Маньчжурии не с целью обосноваться на этой территории, и, не преследуя никаких завоевательных задач, а исключительно движимая чувством дружбы к правительству Маньчжоу-го и желанием оказать ему помощь в деле восстановления порядка»³.

Российская эмигрантская колония в Маньчжурии, которая по разным оценкам на начало 1930-х гг. составляла 60-80 тысяч человек, неоднозначно восприняла приход японской армии и образование нового государства. Но, в целом, реакция эмигрантской колонии и ее политически активной части была позитивной. По официальным сообщениям, в день прихода японских войск в Харбин значительная часть эмигрантов вышла на улицы, приветствуя японцев⁴. Подобная картина нашла отражение и в источниках личного плана. В дневнике одного из эмигрантов, не симпатизировавшего японцам, в начале марта 1932 г. появилась следующая запись: «... в день прихода японцев целая группа русских, среди которых были студенты, пресловутые фашисты и различные «монархисты», перед японским консульством орали «банзай» и махали японскими флагами...»⁵.

В периодической печати стали помещаться материалы с явной прояпонской окраской. Так, в первом номере журнала с говорящим названием «Луч Азии» генерал А.П. Бакшеев писал: «русская государственность к нам пришла не с Запада, из Византии, а с Востока, из Азии... Западные друзья и союзники не только бросили нас в беде, но и предали... Наши взоры, наши надежды и чаяния должны быть обращены на Восток»⁶. Русские газеты писали о начале новой жизни маньчжурского края, о высоком энтузиазме жителей в создании нового государства.

Эмигрантская общественность питала надежду, что японцы предоставят остававшиеся на протяжении 1920-х гг. несбыточной мечтой, за что эмигранты неприязненно относились к китайским властям, права национального меньшинства для русского населения с учреждением русского центрального представительства в бывшей полосе отчуждения КВЖД. Наиболее радикально настроенные эмигрантские круги говорили о скорой войне Японии с Советами. Японское командование в Маньчжурии, в свою очередь, высказывалось о сочувствии к русским эмигрантам, покинувшим свою Родину из-за непримиримости к коммунизму, обещало облегчить условия их жизни, при этом, давая понять, что это не повод считать Японию «источником политических благ эмиграции и ее открытым пособником и союзником», так как «от идеологических симпатий до практических мер расстояние огромно»⁷.

Между тем, все заявления японского командования о временном характере пребывания японских войск на территории Маньчжоу-го и невмешательстве в политическую жизнь страны являлись фикцией.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 05-01-83106а/У.

¹ Тооген – район в долине реки Тайванхэ, в непосредственной близости с советской границей. Переселение русских в этот район началось в 1943 г. в связи с безработицей и трудностями в обеспечении продуктами питания городского населения Маньчжоу-го. Переселение контролировалось со стороны Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) и Японской военной миссии (ЯВМ).

² Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф.1. Оп.2. Д.33409. Л.166.

³ Заря. Харбин, 1932. 31 мая.

⁴ Там же. 1932. 9 февраля.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-6599. Ильин И.С. Оп.1. Д.10. Л.189.

⁶ Луч Азии. Харбин, 1934. №1. С.21.

⁷ Аурилене Е.Е. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 1996. №1. С.101.

Начиная с 1932 г., японские власти приступили к осуществлению программы экономического, политического и идеологического контроля над Маньчжоу-го⁸, а политическая жизнь страны приобрела столь близкую руководству Квантунской армии антикоммунистическую и «антиимпериалистическую» (в отношении западных держав) направленность.

Антикоммунизм японцев весьма импонировал тем политическим кругам эмиграции, которые даже в достаточно сложных условиях 1920-х гг. вели антисоветскую деятельность на территории Маньчжурии. Политическая активность эмигрантской колонии в начале 1930-х гг. заметно выросла. Практически легализовались и структурно оформились политические организации, деятельность которых ранее являлась полулегальной или вообще официально не была разрешена китайскими властями. Это относилось, прежде всего, к Русскому Обще-Воинскому Союзу (РОВС), Корпусу императорской армии и флота (легитимистам) (КИАФ), Восточному казачьему союзу, Российской фашистской партии (РФП), некоторым молодежным организациям.

Дальневосточный отдел РОВС, одной из наиболее непримиримых к большевикам эмигрантских организаций, был сформирован в 1930 г. на базе слияния нескольких офицерских организаций во главе с генералом М.К. Дитерихсом. Появление Дальневосточного отдела РОВС вызвало крайнее недовольство со стороны СССР, требовавшего от китайских властей его ликвидации. В связи с этим деятельность Союза проходила скрытно и только с 1932 г. его работа стала вестись вполне легально. В рамках Дальневосточного отдела РОВС наиболее важную роль играло Харбинское отделение, возглавляемое генералом Г.А. Вержбицким. Также существовали отделения Союза в Мукдене, на станции Аньда, Мулинских коях и др. При Харбинском отделении в 1932 г. были открыты унтер-офицерские курсы и двухгодичные Военно-училищные курсы, готовившие на основе программ дореволюционных пехотных училищ младших офицеров (подпоручиков) будущей освободительной армии⁹.

В 1932 г. появился Маньчжурский отдел КИАФ, который возглавил генерал В.А. Кислицин. В отличие от РОВСа, поддерживавшего Великого князя Николая Николаевича, легитимисты выступали за Великого князя Кирилла Владимировича, в связи с чем отношения между двумя организациями были весьма натянутыми. Маньчжурский отдел КИАФ делился на ряд районных отделений с представительствами в Хайларе, Трехречье, Мукдене, Цицикаре, на станции Пограничной. В Харбине существовала годичная офицерская школа КИАФ¹⁰.

Крупнейшей и наиболее ранней из казачьих организаций Маньчжурии являлся Восточный казачий союз, возникший в 1923 г. и долгое время руководимый полковником Сибирского казачьего войска Е.П. Березовским. В качестве важнейших задач Союза обозначались стремления «беречь Православную Веру», поддерживать «патриотическую казачью настроенность», чтобы в случае возобновления борьбы против СССР помочь русскому народу сбросить коммунистический режим¹¹. Восточный казачий союз не объединял все казачье население Маньчжурии, в частности, ряд казачьих организаций ориентировались в своей деятельности на атамана Г.М. Семенова.

В начале 1930-х гг. начали открыто действовать молодежные организации Союз мушкетеров и Русский Сокол, оформилось Маньчжурское отделение Национальной организации русских разведчиков (скаутов) (НОРР). Союз мушкетеров был создан в Харбине в 1924 г., как организация «улично-ударного» типа для противостояния объединившейся советской молодежи. Организаторами Союза была группа молодых эмигрантов во главе с В.И. Гантимуровым, большое эмоциональное влияние на которых оказал шедший в то время в харбинских кинотеатрах американский фильм «Три мушкетера». Основатели Союза заимствовали из фильма не только название для организации, но и лозунг «Один за всех, все за одного!», превратившийся в основу жизни Союза мушкетеров. Политические дискуссии со своими оппонентами из числа советской молодежи, организованными в т.н. Отряды молодежи (Отмол), аналог комсомольской организации, Союз мушкетеров вел с помощью «кулачного метода». По воспоминаниям эмигрантов, такие «дискуссии» между двумя группами [русской] молодежи, пошедшей разными путями, выливались в драки, принимавшие иногда характер настоящей поножовщины¹². В 1929 г. в программу Союза в качестве конечной цели вошло положение о свержении советской власти и восстановлении монархии в России, а шефом организации был назван Великий князь Никита Александрович, живший в Лондоне. В начале 1930-х гг. при Союзе мушкетеров начали действовать унтер-офицерские курсы, а также увеличилась численность членов, и появились отделения организации на линии, на станциях Имяньпо, Ханьдаохэцзы, Яблоня¹³.

Гораздо меньше сведений имеется о харбинской дружине организации Русский Сокол, являвшейся составной частью возникшего еще в начале XX в. «сокольского движения». Дружина была создана в Харбине в 1927 г. В Уставе дружины указывалось, что основной целью организации является поддержание в русской моло-

⁸ Подробнее см.: Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932-1945. М., 1990.

⁹ ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.36444. Л.17; Д.36447. Л.46.

¹⁰ Там же. Д.36826. Л.89, 91; Д.39453. Л.29.

¹¹ Шулдяков В.А. Вожди белоказаков Сибирского войска: краткие биографические справки // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 1999. №6. С.69.

¹² Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.1337. Оп.5. Собрание воспоминаний и дневников Морозова В.А. «Записки об эмиграции. Воспоминания». Д.11. Л.65.

¹³ ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.27025. Л.50 конв.; Д.33604. Л.83, 84.

дежи национальных идей, занятие спортом ради удержания от дурного влияния улицы. В занятия дружины входили элементы военной подготовки. В целом организация придерживалась антисоветских позиций. Советником харбинской дружины являлся генерал В.В. Рычков, в будущем первый председатель БРЭМ¹⁴.

Что касается скаутского движения в Маньчжурии, его становление относится еще к началу 1920-х гг. Однако, не имея поддержки со стороны властей и испытывая давление с советской стороны, скаутское движение в 1920-е гг. едва теплилось и только в 1931 г. получило структурное оформление. Был создан Маньчжурский отдел единой эмигрантской Национальной организации русских разведчиков (скаутов) с центром в Харбине. В дальнейшем на территории бывшей полосы отчуждения КВЖД были организованы три района НОРР – восточный, западный и южный, делившиеся в свою очередь на бригады, отряды и звенья. Во главе Маньчжурского отдела НОРР в начале 1930-х гг. стояли несколько бывших офицеров. Так, сам отдел возглавлял полковник Зеленой, восточный район – подесаул И.А. Вошило, южный – полковник Н.Н. Покровский¹⁵.

Несколько выбивалась в этом, в целом «монархическом хоре» эмигрантских организаций Российская фашистская партия, созданная в 1931 г. на базе существовавшего с середины 1920-х гг. достаточно аморфного фашистского движения. Формальным лидером РФП первое время являлся генерал В.Д. Косьмин, однако реально партию возглавляли К.В. Родзаевский, М.А. Матковский, В.В. Кибардин и др. В первой половине 1930-х гг. РФП развернула несколько организационных структур, ориентированных на различные половозрастные группы. Российское женское фашистское движение; организация Авангард (или Союз авангарда), объединявшая мальчиков 10-16 лет; Союз юных фашисток – для девочек 10-16 лет и Союз фашистских крошек – для детей 5-10 лет¹⁶. Увеличилась численность организации, ее ячейки появились в нескольких населенных пунктах, где проживали эмигранты.

Еще одним видом эмигрантских организаций в первой половине 1930-х гг. стали национальные политические организации, наиболее крупными и активными из которых стоит считать Украинскую национальную колонию и Идель-Урал, объединявшую тюрко-татар. Эти организации выступали за политическую независимость национальных территорий, которые должны были образоваться после падения СССР. Стремление к «национальной независимости» выделяло и даже обособливало эти организации в рамках и без того разнородного общеэмигрантского потока.

Несмотря на значительное количество эмигрантских политических организаций, появившихся в начале 1930-х гг., ради справедливости стоит отметить, что их численность все же не была высокой, а политическая направленность некоторых организаций, как, например, НОРР, являлась формальной.

Помимо появления целого ряда антисоветских политических организаций русской эмиграции, в начале 1930-х гг. был предпринят ряд попыток создания русских военных формирований в Маньчжурии, которые поддерживались и в известной степени инициировались японцами. В качестве вероятных организаторов военных формирований рассматривалось руководство РОВС и РФП в лице генералов Вержбицкого и Косьмина. Впрочем, идея так и не была в достаточной мере реализована, в силу внутренних противоречий в политической среде эмиграции, нежелания РОВС «таскать каштаны из огня» для японцев, отсутствия надлежащей материально-технической базы и качества людского материала. В 1933-1934 гг. русские формирования получили статус охраняемых отрядов на территориях японских концессий и государственно-частных предприятий.

Одним из наиболее важных вопросов для политических кругов российской эмиграции в начале 1930-х гг. стал вопрос об объединении эмигрантов под эгидой единой организации для координации своих действий в борьбе за освобождение России из-под «ига коммунизма», а в большей степени в целях «упрочнения позиций русских эмигрантов и для более авторитетного представительства перед властями Маньчжу-Ти-го»¹⁷. Вопрос объединения рассматривался и в 1920-е гг., но тогда для этого не существовало ни реальных возможностей, ни поддержки со стороны властей.

Данный вопрос живо интересовал и японское военное руководство, которое видело в эмигрантах вероятных помощников в борьбе с коммунизмом и его оплотом в лице СССР, для чего еще в 1920-е гг. ЯВМ на территории Маньчжурии стремилась утвердить связи в эмигрантской среде и не безуспешно. Кроме того, политика консолидации населения Маньчжоу-го являлась одним из приоритетных направлений в деятельности японских властей с начала 1930-х гг.

Дискуссии по проблеме объединения всколыхнули эмигрантскую общественность уже в ходе японской оккупации Маньчжурии. В январе 1932 г. газета «Заря» писала, что «вопрос о создании единой русской организации полон еще неясностей и повлек уже к тому, что намечилось несколько течений, по разному взирающих на это дело»¹⁸. На роль объединителя эмиграции претендовали генерал Д.Л. Хорват, стоявший во главе «Дальневосточного объединения эмиграции», атаман Г.М. Семенов, «Русское национальное патриотическое объединение», во главе с И.Л. Гондатти, «Русское национальное общество», РФП и др. Ни одна из политических сил не достигла успеха, не обладая, в связи с тем, что значительная

¹⁴ Там же. Д.39939. Л.71.

¹⁵ Там же. Д.43818. Л.41-47.

¹⁶ Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925-1945. М., 1992. С.98.

¹⁷ Из «наказа Правления Русских Национальных Обществ восточной линии» (1934) // ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.37059. Л.28 конв.

¹⁸ Заря. 1932. 22 января.

часть эмигрантов оставалась равнодушна к политическим воззваниям, широкой массовой поддержкой, и, не проявляя особого стремления к компромиссу с другими организациями.

Борьба между эмигрантскими организациями за лидерство в объединении не только показала японцам, что эмиграция слишком разнородна и внутренние противоречия в ее среде слишком велики, чтобы самостоятельно прийти к единству, но и помогла выявить тех, кто не обладал необходимой лояльностью к реальному руководству Маньчжоу-го. При этом нужно учитывать, что значительная часть эмигрантских политических организаций не хотела становиться пешками в японской «игре», стремясь сохранить свою автономию.

В конце концов, проблема объединения была решена японскими властями в административном порядке. «Вождем» эмиграции объявлялся атаман Г.М. Семенов, надежно контролируемый японцами в Дайрене, а руководящей организацией – созданное в декабре 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). В положении о деятельности БРЭМ говорилось, что Бюро «является административным учреждением Маньчжоу-го» и в его функции входит «руководство во всех отношениях общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защита их правовых, экономических и культурных интересов»¹⁹.

Далеко не все эмигранты и эмигрантские общественные организации приветствовали появление учрежденного японцами Бюро и потому, несмотря на предписание властей, не спешили в нем регистрироваться. Сначала Бюро пыталось привлечь эмигрантов обещаниями трудоустройства, так как уровень безработицы в эмигрантской среде был достаточно высок, а позднее, как отмечал в своем дневнике летом 1935 г. полковник И.С. Ильин, «начались угрозы. Теперь, оказывается, каждый не зарегистрированный военный будет рассматриваться как вредитель, как человек, усиленно скрывающий свое прошлое, как гражданин, не желающий подчиняться законам страны...»²⁰. В это время в Харбине стала расхожей острота: «Вы как, стоите за Бюро или сидите?»²¹.

После образования БРЭМ началась реорганизация эмигрантских политических структур. Еще в 1934 г. руководство Харбинского отделения РОВС, не пожелавшее действовать в соответствии с японскими предписаниями, во главе с Г.А. Вержбицким было выслано из Маньчжоу-го. В 1935 г. Союз на территории Маньчжурии был закрыт. Его наследником, вобравшим в себя практически весь членский состав РОВС, стал Дальневосточный союз военных (ДВСВ), подчинившийся БРЭМ. По аналогии с ДВСВ в 1935 г. был создан Дальневосточный союз казаков (ДВСК), ставший единственной организацией, объединявшей все казачье население Маньчжоу-го. ДВСК включал в свой состав девять казачьих станиц, а его руководителем был назначен генерал А.П. Бакшеев, глава 1-го, переселенческого отдела БРЭМ в первом его составе.

В середине 1930-х гг. назрел раскол в Маньчжурском отделе КИАФ, в 1936 г. практически все руководство во главе с В.А. Кислицыным оставили организацию, и ее деятельность почти прекратилась. Последнюю акцию – молебен по случаю тезоименит Великого князя Кирилла Владимировича – члены организации, возглавляемой в это время штабс-капитаном Ф.Н. Зориным, осуществили в 1938 г. За это Зорин был выслан из Маньчжоу-го, а деятельность КИАФ окончательно прервалась²².

Политика целенаправленной интеграции эмигрантского общественного движения вызвала рост противоречий в руководстве и рядовом составе и других организаций. В частности, после закрытия Маньчжурского отдела РОВС все усиливающейся критике было подвергнуто во многом ориентированное на РОВС руководство Союза мушкетеров во главе с В.С. Барышниковым. В 1936 г. Союз был подчинен БРЭМ и вошел в состав ДВСВ, а в 1938 г. Бюро окончательно ликвидировало самостоятельность союза, освободив от руководства организацией Барышникова, и назначив вместо него своего человека – С. Егупова. После этих событий большая часть членов Союза мушкетеров вышла из состава организации²³.

Наиболее последовательным сторонником политики японских властей в деле объединения эмиграции и осуществления борьбы с Коминтерном являлась РФП. Ее представители заняли прочное место в БРЭМ, потеснив «монархистов». Так, Родзаевский, глава РФП, долгое время возглавлял идеологический отдел БРЭМ, высокое положение в Бюро занимали Н.Р. Грассе, М.А. Матковский и др. Однако прояпонская позиция фашистов и причастность к ряду скандалов с криминальным характером не способствовали росту популярности партии и даже, наоборот, порождали негативное отношение к ней в эмигрантской среде.

В 1938 г. весь политический спектр эмиграции был сведен к двум организациям: РФП и Монархическому объединению. Монархическое объединение вместило в себя еще сохранявшиеся к этому времени эмигрантские монархические организации – ДВСВ, ДВСК, НОРР, Союз мушкетеров и литературно-художественный кружок им. августейшего поэта К.Р.²⁴ Организацию возглавлял Б.Н. Шепунов, долгое время сотрудничавший с японцами еще в свою бытность чиновником полиции на ст. Пограничная. Поли-

¹⁹ Цит. по: Аурилене Е.Е. Российская эмиграция в Маньчжурии в 30-40-е гг. XX в.: (На примере деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи): Дисс. канд. ист. наук. Владивосток, 1996. С.102.

²⁰ ГАРФ. Ф.Р-6599. Оп.1. Д.4. Л.7об.

²¹ Там же. Л.28.

²² ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.46300. Л.57, 172.

²³ Там же. Д.37829. Л.24.

²⁴ Там же. Д.33728. Л.126, 127.

тическая деятельность этих организаций развивалась строго в рамках определенных японскими властями, ее курировали Киовакай, единственная из официально разрешенных массовых политических организаций на территории Маньчжоу-го, и БРЭМ. Суть этой деятельности составляла, с одной стороны, официально провозглашенная Антикоминтерновским пактом 1936 г. борьба против Коминтерна, с другой стороны, движение за создание Великой Восточной Азии.

В рамках борьбы против Коминтерна ежегодно все эмигранты принимали участие в мероприятиях, приуроченных ко Дню антикоминтерна (1 июня) и Дню непримиримости (7 ноября), демонстрируя «единство» в борьбе за спасение России, «нашей измученной Родины из лап кровавого Коминтерна...»²⁵. В эти дни устраивалась панихида по жертвам коммунистического террора, антикоммунистические демонстрации и общеэмигрантские собрания, газеты давали специальные выпуски, учащиеся школ писали сочинения на тему: «Почему мы не живем в России» или «Что коммунисты сделали с Россией»²⁶.

Успех в борьбе против Коминтерна и его ядра – коммунистического режима в СССР, за освобождение «порабощенной России» напрямую связывался с деятельностью Японии. Так, журнал «Зарубежный казак» писал в 1940 г.: «Четвертый год лидерствующая Ниппонская императорская армия и ее вожди ведут борьбу с гоминьдановщиной и Коминтерном за новый светлый порядок в Азии. Порабощенный русский народ лишен возможности собственными силами порвать цепи рабства. Российская эмиграция материка Азии и казачество, объединенные вокруг Бюро..., готовы по первому зову своего атамана Семенова придти на помощь порабощенным братьям! В этот ответственный момент наша готовность к любой жертвенности должна быть доведена до совершенства...»²⁷.

Эмигрантская молодежь, благодаря направляемой японскими властями деятельности СМИ, получила нового героя для подражания, борца против «кровавого Коминтерна». «Новым героем» волею судьбы стал М.А. Натаров, один из русских радиистов, погибший в 1939 г. от случайного осколка бомбы, сброшенной советским самолетом на Халхин-Голе (Номонхане). Эмигрантская пресса активно «раскрутила» этот сюжет, окрестив Натарова «рыцарем Белой идеи»²⁸, и подробно описав «подвиг героя». Начальник БРЭМ В.А. Кислицин в своем выступлении отметил, что «героическая смерть вознесла его на недостижимую высоту, сделала его нашим общеэмигрантским героем...». «За ним пойдут новые Натаровы, – вторил Кислицину «вождь» РФП К.В. Родзаевский, – и рано, или поздно, вернут русской эмиграции и русскому народу Россию...»²⁹. На месте захоронения Натарова позднее был сооружен памятник борцам с Коминтерном (Чурэйто). Подобные же памятники были воздвигнуты в Хайларе (памятник «Жертвам, павшим в борьбе с Коминтерном», 1940 г.)³⁰ и в некоторых других городах Маньчжоу-го. Посещение Чурэйто стало обязательной частью антикоминтерновского церемониала для школьников-эмигрантов.

Понимая, что далеко не вся эмиграция обьята стремлением бороться против Коминтерна и ее оплота в лице СССР, Штаб Квантунской армии во второй половине 1930-х гг. выпустил секретной предписание, предполагавшее использовать всех эмигрантов вне зависимости от их желания, даже в принудительном порядке для борьбы против Советского Союза³¹. В апреле 1938 г. из состава эмигрантской молодежи был создан т.н. отряд Асано (командир – майор Асано Макото), носивший разведывательно-диверсионный характер. При отделениях ЯВМ создавались радиотелеграфные и агитационно-пропагандистские курсы, ориентированные на имеющую достаточно высокий образовательный ценз эмигрантскую молодежь. Несколько эмигрантских разведгрупп было заброшено на приграничную советскую территорию. Добровольно-принудительный характер данных мероприятий не вызывал большого энтузиазма со стороны эмигрантской молодежи и, наоборот, стимулировал стремление избежать их любым способом.

В рамках борьбы за Великую Восточную Азию японские власти еще в середине 1930-х гг. развернули широкое движение за сближение народов Маньчжоу-го. Основой такого сближения стали японские культурно-идеологические ценности. Для формирования у русского населения чувства «благодарности» к Стране Восходящего Солнца и распространения японского образа жизни власти создали Комиссию японо-русского сближения, которая разработала программу мероприятий для осуществления поставленной задачи. На местах при учебных заведениях и общественных организациях эмигрантов была создана сеть кружков, где изучались история, культура, язык Японии, разъяснялась современная политическая организация. Большую работу по ознакомлению эмигрантов с японской, так же как и с китайской, культурой и образом жизни проводил журнал «Луч Азии», на страницах которого из номера в номер помещалась информация подобного плана. Эмигрантам сначала рекомендовалось изучение японского языка для лучшего взаимопонимания двух «дружественных народов», но уже к началу 1940-х гг. это стало обязательным. С 1936 г. началась реформа эмигрантских учебных заведений, предполагавшая приведение к единообразию японского образца. Реформа вызвала массу

²⁵ Из выступления начальника БРЭМ В.А. Кислицина // Луч Азии. 1938. №48/8. С.32.

²⁶ Аурилене Е.Е. Бюро по делам российских эмигрантов... С.107.

²⁷ Зарубежный казак / Изд. БРЭМ в Хайларе. Харбин, 1940. Сент. С.27.

²⁸ Луч Азии. 1939. №160/8. С.1.

²⁹ Цит. по: Аурилене Е.Е. Бюро по делам российских эмигрантов... С.107.

³⁰ ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.32807. Л.31.

³¹ Там же. Д.33258. Л.144.

недовольства русского населения, также как и введение обряда поклонения в сторону резиденций японского и маньчжурского императоров, ставшего обязательным элементом жизни учебных заведений.

В конце 1930-х гг. русское население Маньчжоу-го было включено в состав пяти национальностей империи, наряду с японцами, китайцами, корейцами и монголами. Появились русский сектор Киовакай и то-нари-гуми (соседских общин), русские вошли в состав добровольческих дружин Киовакай. Введенная в 1940 г. всеобщая воинская повинность распространилась и на эмигрантов, в связи с чем отряд Асано получил легальный статус и стал подразделением армии Маньчжоу-го. В 1941 г. произошло расширение русских воинских подразделений, которые назывались прессой не иначе как «гордость российской эмиграции, где лучшие представители эмигрантской молодежи с честью выполняют свой почетный воинский долг».

Одной из главных задач многонационального населения Маньчжоу-го стала забота об «укреплении большой государственной семьи народов Маньчжу-Ди-го, где делами этой большой семьи руководит один отец – Император»³². Не избежали включения в состав «большой государственной семьи» в рамках российского подразделения и национальные общины, выходцев с территории бывшей Российской империи. В 1942 г. национальные организации, объединявшие представителей грузинской, армянской, татарской, еврейской, украинской национальных групп в Маньчжоу-го, были поставлены под руководство Совета национальностей БРЭМ³³.

Навязанная сверху идея борьбы за Великую Восточную Азию, выраженная в понятии «Ван Дао», не предполагала альтернативы и тем более отказа от участия в ее реализации. Эмоционально ярко выразил суть «Ван Дао» в своей книге Дж. Стефан: «Эти слова, если освободить их от конфуцианской упаковки, означали «служить Японии». Японская пропаганда создавала образ русского населения Маньчжоу-го, с восторгом принимающего благоденствия «ван дао», который помог ему избавиться от бедности и прочих тягот китайского правления. Но что реально означал «ван дао» в Маньчжоу-го – об этом предпочитали молчать. Он означал – кланяться в пояс офицерам императорской армии. Он означал – опускать глаза, когда японцы, громко переговариваясь, входили в православную церковь поглядеть на службу. Он означал – платить «за безопасность» такие суммы, какие не снились и хункузам. Он означал – проявлять «искренность», то есть рвение в сотрудничестве с японцами, якобы выполняющими благородную миссию в Восточной Азии. И, прежде всего, он означал страх»³⁴. Отказ от активного участия в политической жизни «большой государственной семьи» в лучшем случае вызывал подозрение, а в худшем – мог закончиться не вполне приятным знакомством с японской жандармерией.

Непримиримое японской политики и в то же время неспособность остаться вне ее, вели к оттоку русского населения из Маньчжоу-го, несмотря на то, что после начала войны с Китаем в 1937 г. выехать из страны становилось все сложнее.

В 1941 г. в связи с изменениями во внешней политике Японии, склонившейся к южному направлению дальнейшей экспансии, накал антикоминтерновской борьбы начал спадать. Еще продолжали появляться в некоторых изданиях утверждения о том, что «вопрос борьбы с Коминтерном особенно значителен и остр для нашей молодой смены, ибо он для нее идет под знаком освобождения нашего народа из тягостного кровавого плена Коминтерна и обретения Отечества»³⁵, но уже не было прежней широты. А после начала Тихоокеанской войны антикоминтерновская идея была почти полностью вытеснена идеей борьбы против англосаксов за создание «Великой Восточноазиатской сферы взаимного процветания и благополучия».

В первые дни Тихоокеанской войны руководство БРЭМ выступило с речами, в которых выражало полную поддержку «священной войне» Японии против англосаксов и обещало, что русская эмиграция приложит все усилия к установлению нового порядка в Восточной Азии. Родзаевский вторил им в газете «Наш путь» и журнале «Нация»³⁶. Заверения в поддержке политики Японии помещались на страницах всех эмигрантских газет Маньчжурии. Однако, несмотря на выражение своей преданности и стремление следовать японской политике, в политической жизни эмигрантской колонии еще до начала войны наметились некоторые изменения.

В 1941 г. РФП утратила статус политической организации, превратившись в общественное объединение – Российский фашистский союз (РФС), а в 1943 г. организация была окончательно ликвидирована. Это стало настоящей трагедией для ее руководства, почувствовавшего себя преданным. В 1942 г. было распущено Монархическое объединение, Дальневосточные союзы военных и казаков превратились в ветеранские организации, объединявшие людей, ранее служивших в российской императорской армии. Политика как самостоятельная сфера жизнедеятельности эмиграции после долгой агонии окончательно умерла.

Превращение эмиграции в политическую марионетку японских властей, угнетавшее чувство национальной гордости эмигрантов, и сама война, которую вел русский народ против фашистской Германии, способствовали резкому подъему патриотизма в эмигрантской среде. К концу Второй мировой войны многие из активистов эмигрантских политических организаций, некоторые служащие БРЭМ заняли непримиримую позицию в отношении японцев, встав на путь сотрудничества с советской разведкой или участвуя в антияпонском партизанском движении, особенно широко развернувшемся летом 1945 г.

³² Движение молодежи Киова: В 2-х книгах. [Б.м.], 1943. Кн.1. С.42.

³³ ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.36001. Л.14.

³⁴ Стефан Дж. Указ. соч. С.84, 85.

³⁵ Движение молодежи Киова... С.11.

³⁶ Стефан Дж. Указ. соч. С.363.